

СЕРГЕЙ КОРНЕЕВ ПЯТЕРНЯ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Корнеев

Пятерня

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Корнеев С.

Пятерня / С. Корнеев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Не открывайте эту книгу. Она не для вас. Здесь детей пытаются маньяки, а юным девушкам отрезают груди. Здесь партизаны сталкиваются с монстрами страшнее фашистов. Здесь стареющая порноактриса решается на съемки в запретном видео. Пять окровавленных рассказов. Пять отрубленных пальцев. Экстремальный хоррор, полный насилия и боли. Но, на самом деле, это даже не главные страхи! Пять бескомпромиссных и отвратительных рассказов от мастера ужасов. Вас предупредили. Не открывайте эту книгу. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вступление	5
Попробуй себя	6
Синий платочек для Лили Марлен	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вступление

Здравствуйте!

О чём вы думаете в первую очередь, когда слышите о жанре ужасов? Кровь, боль, крики. Рассказы, которые вы прочтёте, написаны в разные годы. Они не слишком искусны. В них много топорного (какой жестокий каламбур!). Они такие, какими бы их задумал жестокий мальчишка, решивший единым махом вывалить на экран самые отвратительные *пугалки*: окровавленные обрубки, острые зубы, расширившиеся от ужаса глаза. Глаза. Глаза, естественно, выдавленные из глазниц.

И всё же мне понравилось готовить заново эти ученические тексты к публикации. Убирать вычурные слова, перестраивать фразы. Но сколько бы я ни переписывал предложения, с них по-прежнему капала густая кровь.

Это любовь.

Просто даже таким маленьким монстрам, как болезненным рассказам «Пятерни», нужна забота и ласка. А я их отец. Кто ещё одарит их душевным теплом? Только я. И вы, кто отважились их прочитать. Я протягиваю вам свою пятерню. Держитесь. А то, что она в чём-то липком и красном... Ну, считайте, что это варенье. Человечье варенье.

Пойдёмте!



Попробуй себя

Валера любил готовить.

Сегодня он нарезал морковь полукружиями и высыпал на горячую сковороду. Туда же добавил лук, который от жара сначала стал прозрачным, а затем пожелтел до тёплого пивного цвета. Он ни на секунду не отходил от плиты – главное правило готовки! Валера перемешал овощную подушку деревянной лопаткой. Добавил специй. Налил воды. Выложил мясо. От мясного сока морковь и лук разбухли так, что каждый кусочек должен был таять во рту. Валера убавил газовый огонёк до минимума и оставил чугунную сковороду на плите.

Плотный дух готовки пропитал весь дом.

Въелся в деревянные стены. Клубился между этажами в перекрытиях. Даже насытил сам солнечный свет – придал тому вес и радость. Готовое мясо он вывалил в эмалированную миску: от горячей горки поднимался ароматный пар.

Валера впервые готовил пальцы, и это было немного непривычно. Отрезанные секатором, они оказались жёсткими, волокна плохо отделялись от костяных фаланг. Он тушил их дольше, чем даже самую жесткую баранину.

Валера дотронулся до ключа, висящего на шее вместо крестика, и спустился в подвал.

– Знаю, что не откажешься, и всё же я старался. Готовил как для себя. Пальчики оближешь, – он нервно усмехнулся.

На подвальном полу распластался исхудавший человек.

Щеки ввалились, кости черепа выпирали сквозь исхудавшее лицо. Огромные глаза выкатывались из орбит. Человек был наг. Грязная шелушащаяся кожа натянулась на рёбрах, как палаточный брезент. Пытки стерли его человеческий облик, так что нельзя было сразу понять, мужчина прикован на цепи или женщина. Хитрая упряжь перехватывала существо посередине. Не человек, а бесполое существо страдающего мяса.

Тушёные пальцы пахли одуряюще.

Узнику привиделось, что всё вокруг, даже стены темницы, превратилось в ароматное жаркое. Полутруп в возбуждении засучил искалеченными ногами. Стружья на ступнях лопнули, и бетонная крошка смешалась с кровью в чёрную маслянистую грязь. Желание съесть собственные пальцы сводило с ума.

– Поставлю здесь. Как раз дотянешься. Угощайся!

Валера опустил тарелку на пол, а сам отошёл поодаль. Поднял опрокинутую садовую скамеечку, на углах которой застыли бурые пятна, уселся и закурил.

Ему нравилось наблюдать, как пленник насыщается собственной плотью. Впервые за три месяца, что он держал мужчину в дачном подвале, он пережил мгновение, которое можно было назвать счастливым.

Узник жадно запихивал куски мяса в рот. Жевать не было ни сил, ни зубов. Он проталкивал пищу напрямиком в горло. От голода желудок сморщился и не был готов к обжорству. Мужчину вырвало. Он собрал покрытые слизью куски и затолкнул обратно. Когда трапезу удалось завершить, он в изнеможении улёгся ничком. Мозг купался на волнах эйфории. Он опьянел от еды.

– Скормить самому себе по кусочкам! Как я сразу не догадался? – Валера затаился едким дымом. – Бабушка говорила: «Хорошая мысль приходит опосля». С мочой получилось хуже, не находишь?

Валера много чего перепробовал, прежде чем обратиться к кулинарии.

Длинные порезы. Прижигания сигаретами. Раскалённая кочерга. Он загонял швейные иглы мужчине в мошонку. А как-то раз, вооружившись молотком, прибил руки мужчины к

доске, вогнав каждый гвоздь в центр ногтя. Дырки почернели и не заживали. Ногти сошли и не росли заново.

Но с мочой, пусть в тот момент он сделал шаг в верном направлении, получилась мерзость.

Он придумал мучить пленника жаждой. А когда тот два дня спустя слёзно молил о глотке, справил нужду в эмалированную кружку. Пленник мгновенно опорожнил ёмкость. Его кадык скакал по горлу, как мячик для пинг-понга. Валера не сдержал отвращения.

Валера на вид был потешным мужичком глубоко за сорок.

Низкий, с толстыми щеками, видными, как говорят, со спины, и ранней лысиной. В студенчестве приятели прозвали его «Монах» – голая «опушка» появилась на третьем курсе, словно выстриженная на манер средневековых послушников. Он носил просторные светлые рубашки с коротким рукавом и умел обезоруживающе улыбаться. При знакомстве с ним, людям казалось, что это огромный щенок протягивает лапу. Но Валерий умел быть невероятно убедительным.

В тот день, когда он придумал скормить пленника самому себе, он привычно устроился в кресле и перебирал газетные вырезки о «живодёре из Конаково», как маньяка прозвали газетчики. Журналисты не скупались на подробности. Кровь на зернистых фотоснимках даже при цветной печати всегда была чёрной. Валерий вглядывался в знакомые разводы, и изнутри поднималась, распуская кольца, такая же чёрная змея. Он дразнил её, чтобы пробудить ото сна ярость. Примитивную жажду чужих страданий. Ведь даже пытки приедались, когда превращались в повседневную рутину. Нервам нужен электрошок. Встряска. Подобные впечатления он черпал в воспоминаниях.

Но одна фотография не попала в газеты. Пусть и разлетелась по сотне аморальных сайтов, которые помешанные на насилии психи вели для таких же психов. Женщина была беременной. И ещё живой, когда маньяк вскрыл живот и изнасиловал её.

Чувства пробудились.

Ненависть. Страстное желание убивать. Медленно. Он бросил взгляд на настенный календарь с перечёркнутыми накрест датами – очередной месяц подходил к концу. Его прошиб холодный пот, к горлу подкатила тошнота. Он прикоснулся к ключу, как к оберегу, дающему силу.

Но принялся за готовку лишь спустя пару дней.

Непрекращающиеся пытки, голод и заточение в подвале сломали что-то внутри самого механизма жизни. Чувства изменились. Пленник слышал шорохи и голоса людей, которых рядом никак не могло быть. Ощущал прикосновения к коже и покусывания. Зрение сузилось до обрамленного тьмой туннеля. И только ключ от замка, который мучитель носил на шее, горел ярче, чем стоваттная лампочка. Когда тюремщик спускался по лестнице, мужчину слепил пляшущий силуэт ключа.

В подвал Валера спустился с увесистым колуном.

Тот принадлежал ещё деду, но служил исправно, как и семьдесят лет назад. Тяжёлый тупой «клюв», разбивающий чурбаки, изъела ржавчина, такого же яркого цвета, как огненная дедовская щетина. И инструменту, и человеку они шли. Валера замахнулся и обрушил дробящий удар на правую стопу пленника. По подвалу разнёсся особенный звук – щелчок ломающейся кости, приправленный влажным чавканьем, с которым колун промял плоть. Узник заверещал.

За несколько ударов Валера отъединил половину стопы. Не торопясь. Хирургическая точность, которую дал бы топор, была неуместной. Он отщипывал от тела кусок. Сграбастал кровоточащий обрубок и повертел перед человеком на цепи.

На кровотокающий отруб Валерий плеснул прозрачную жидкость из пластиковой бутылки. Плоть словно прижгло огнём. Казалось невозможным превзойти боль, с которой отламывали ступню. Но тридцатисемипроцентная пергидроль пролилась дождём из напалма. На обрубке взбухла шапка розовой пены.

– Убей!

Однако впалый живот вдруг ответил громким урчанием. Валера фыркнул в ответ, и поднялся прочь. Кровь капала за ним на ступени жирными кляксами. Вскоре сквозь доски пола пополз аромат готовящегося мяса.

Валерия разбудил топот босых ног по полу.

Сын ходил уже в третий класс, но до сих пор не растратил детской нежности. Субботним утром родители оставались в кровати дольше обычного и не спорили, кто должен собирать ребёнка в школу. Мальчик проснулся вместе с летним солнцем и поспешил в родительскую кровать, чтобы прижаться к матери.

Холодные пятки врезались в толстый живот Валеры.

Он пробурчал, что ему мешают выспаться в заслуженный выходной. Неделя выдалась тяжёлой. От работы колуном болели мышцы. Но в то же время он испытывал бесконечное счастье из-за близости сына. Он уткнулся носом в детскую макушку и глубоко вдохнул сладкий запах волос. Растрогался, не сдержал чувств и смачно поцеловал в темя.

Задорное солнце. Молочный запах ребёнка. Тепло одеяла. Нега полудрёмы. Всё вместе – дьявольский морок, который мучил Валерия каждое утро перед пробуждением. На мгновение ему казалось, что всё, что привиделось, есть на самом деле. Сейчас он распахнёт веки и увидит русую голову сына. Но только слёзы застилали глаза.

Тварь, которую он посадил на цепь в подвале, забрала Сашеньку. Жизнь в одночасье обернулась рисунком на витрине, в которую бросили камень.

Каждое утро Валера пробуждался так, будто выкапывал самого себя из глубокой могилы. Встав, шатался, как с похмелья. Подходил к настенному календарю и перечеркивал очередной день жирным крестом. Примотанный на бечеве красный карандаш болтался рядом, словно висельник.

Месяц кончался. Кресты перечеркнули всю страницу. Переверни назад – увидишь ровно такой же карандашный погост. И дальше, Валерий знал, начнётся ещё один. С самой смерти жены и сына не было дня, когда наваждение оставило бы его.

Он не знал места, где смог бы найти покой. Заставлял вернуться в опустевшую квартиру, где кровь пропитала паркет и обои, но убегал с порога. Земля на кладбище пульсировала под коленями, словно отталкивала: «Уйди! Найди! Убей! Отомсти!»

Тогда Валерий перебрался жить на дачу, но каждый день возвращался в Конаково. Бродил по городу из конца в конец: у ГРЭС, у Завода, резал шагами Бор к самой Волге. Искал. Лесу-то ему и посчастливилось встретить «Конаковского живодёра».

Маньяк повалил девушку на полог из хвои и мха. Валерий быстро, но мягко подбежал сзади и оглушил насильника ударом камня. Откатил обмякшее тело с девушки. От пережитого страха глаза её были раскрыты так широко и не мигали, будто были нарисованы на половину лица. Валерий хотел помочь ей встать, но она в испуге отползла, сама поднялась и кинулась бежать, не разбирая дороги.

Но всё это было неважно. Он знал, что теперь земля на могиле сына не будет больше пульсировать.

Что он испытал в ту секунду? Озарение!

Валерий понял, что сам Бог, существо высшее и непостижимое, одарил его. Получил благословение, которого не чаял. Он знал, что заставит убийцу испытать всю боль, которую тот принёс живущим. Семье Валерия. Ему самому. И надеялся, что кошмары закончатся.

Только месть оказалась проклятием.

Настал последний день месяца.

В разношенных тапках Валерий вышел на улицу. Слякоть проступила сквозь ткань. Он отпер сарай. Труха, осыпавшаяся с притолоки, мерцала в полутьме золотом. Воздух здесь стоял такой густой, что, казалось, поглощал дневной свет. Пахло машинным маслом и отсыревшими тряпками. Но Валера изучил домушку ещё пацаном, когда помогал деду с инструментами, и мог бы с закрытыми глазами нашарить обломок полотна для ножовки. А когда бы и Сашка подрос, показал бы сыну тёмный прогал в брёвнах, где, если засунуть руку по локоть, нащупаешь мешок, сшитый из старой куртки. Внутри лежало ружьё.

Валерий медленным тяжёлым шагом спустился в подвал. Мужчина, прикованный на цепи, распростёрся на полу. Он казался раной размером с человека, с которой постоянно срывали струп. Кожу на рёбрах срезали прямоугольными лоскутами. В промежности надулся лиловый пузырь. Левая рука тянулась зигзагом, сломанная в локте и лучевой кости. Волосы с головы вылезли клочьями: скальп покрывали многочисленные круглые ожоги. Соски Валера отрезал садовым секатором.

Он мечтал превратить узника в лужу человеческой плоти, на поверхности которой плавают рот, кричащий от боли. Перемолоть кожу и мышцы, стереть кости в порошок. Но чтобы эта масса до последнего сохраняла сознание. Чувствовала, как шприцем впрыскивают соляную кислоту под кожу. Как клещами обрывают губы. Как пальцы давят тисками. Как гвоздь забивают в колено.

Валера проделал много отвратительных вещей, надеясь, что изошрённые пытки успокоят душевную боль. Но сам перестал быть человеком. Вместо него осталась дыра в пространстве, вырезанная по контуру Валеры. И в дыру эту непрестанно сквозило. Однажды он с ужасом обнаружил, что пытки надоедают. Мучить другого человека день за днём, словно по рабочему расписанию, становилось постылым.

«Живодёр» с трудом разлепил опухшие веки. Он утратил связь с миром: мог моргнуть и не знать, сколько прошло времени – секунда или несколько часов. Его разум лопнул, как ёлочный шар, остались только осколки, изредка блестящие во тьме.

Собственная прожаренная плоть придала сил, но лишь оттягивала неизбежное. Он знал, что скоро умрёт. Единственным желанием стало приблизить конец. Но только мучитель в очередной раз откинул крышку люка, как в подвал потянуло мясным ароматом. Будь у него силы – он вырвал бы собственный желудок, чтобы не испытывать аппетита, заставляющего жить.

Валерий спустился к своей жертве, и мужчина разглядел предмет, который тот держал в руках. Мимолётная надежда придала его голосу сил.

– Я вспомнил твоего щенка.

Слова оглушили Валерия.

– Я же врал, что понимаю, о ком ты всё время говоришь. Сколько их у меня было? Не отличить. Какая разница? Я их использовал, как салфетки. Но я постарался. Напряг память. Твой был особенно мягоньким. Я даже удивился. Обычно в них туго входит.

Дыхание Валерия участилось.

– Знаешь, что было самым забавным? Он умолял, чтобы я пощадил сучку-мать. Я её пожалел. Выколол глаза, чтобы она не видела, как я развлекаюсь. Но ушики-то у неё остались. Он верещал, как поросёнок.

Вся сцена, как он увидел её, когда вернулся домой, ожила перед Валерой. Растерзанная семья. И широко раскрытые глаза жены. Остекленевшие.

Существо усмехнулось. Он возбудился, словно переживал всё заново. Но боялся пере-
гнуть палку.

– Это ведь у твоего была огромная родинка на попке? Я её хорошо запомнил.

Слушать, как маньяк мучил сына, было невозможно. Отец, испепелённый горем, хотел
только одного – прекратить всё. Заткнуть подонка, пусть бы он на вечность остался наедине
с отчаянием.

Тогда Валерий решился.

Он сорвал ключ с шеи, и цепочка больно оцарапала кожу. Показал ключ на вытянутой
руке. Мужчина умолк, как загипнотизированный.

Валерий оставил ключ посередине между собой и тварью в облике человека, которая
уничтожила его жизнь. Затем устроился на полу и принял удобную позу, чтобы отдача не увела
дуло в сторону. Взвёл оба курка на старом охотничьем карабине и снёс себе голову. В воздухе
остро запахло порохом и горелой плотью.

Тюремщика не стало.

А ключ пылал расплавленным металлом рядом – только протяни руку. Боль в искорё-
женном теле разом пропала. Собравшись с силами, маньяк заёрзал по полу и пополз к ключу.
Грубый бетон срывал свежие струпья с обрубка. Он полз и оставлял за собой грязный след.
Цепь звенела позади. Как только она натянулась до предела, он вытянул руку, чтобы заграба-
стать ключ.

Сколько бы сантиметров ни разделяло его и ключ: один, пять или десять – не важно.
Каждый миллиметр раскинулся Большим каньоном. Через раскрытый люк подвала, далёкий,
словно на небесах, лился тягучий аромат тушёного мяса.



Синий платочек для Лили Марлен

Зимой 1942 весь Берлин напевал «Лили Марлен».

Шлягер доносился из кафе. Его крутили по радио. И даже хозяин магазина пластинок на Мирендорфплатц каждый вечер открывал двери настезь, чтобы трескучая запись лилась на улицу. Не сосчитать количество переделок, которые пели в окопах.

– Сойдёмся вновь, под фонарём, моя Лили Марлен...

Одной только встречей солдатская фантазия не ограничивалась. Они развратно пели о женских ласках и умирали девственниками.

Песню пытались запретить. Признали упаднической. Говорят, что её исполнительницу Лалу Андерсен, собирались отправить в тюрьму. Но угрозы не были страшны самой прилипчивой мелодии. Кроме того, «Лили Марлен» любил сам «Лис пустыни» Роммель.

По другую сторону фронта, в Москве, напевали «Синий платочек».

К двадцать пятой годовщине Октября вышел фильм «Концерт фронту». На экране весельчак-егоза Райкин заправлял бобину в киноаппарат и из муара появлялась белокурая муза Клавдия Шульженко. Страна вторила своей любимице:

– Кончится время лихое, с радостною вестью приду, снова дорогу к милой порогу я без ошибки найду...

Любая из этих песен, несомненно, понравилась бы комсомолке Лиле Сорокиной. Ей даже довелось услышать несколько тактов «Лили Марлен», пока немецкие офицеры избивали её на полу избы. Пол ходил ходуном от ударов, когда её размазывали тяжёлыми сапогами по доскам, и иголка слетела с дорожки. Осталось лишь мрачное шипение.

Перед смертью её раздели догола и выволокли на снег. Один из солдат в шутку облил её ледяной водой из кадки. На морозе вода ошпарила, как кипяток. Лиля истошно заверещала.

Солдаты и офицеры громко смеялись и улюлюкали. Как свора охотничьих собак, они погнали девочку к наскоро сколоченное виселице, и понукали её грязными ругательствами.

– Nutte!

– Hündin!

– Schickse!

Молодой офицер приподнял невесомую Лилю, чтобы на шею накинули грубую верёвку. Обледеневшие волокна царапали кожу. Немцы смеялись и тыкали пальцами в кровавую кашу, в которую превратилось лицо девушки. Правая бровь стекла вниз, как воск на свечном огарке. Второй глаз не открывался вовсе. Из-под чёрной щелочки между веками выступили розовые слезинки и быстро высохли на морозе. Распухшие губы не закрывались: сквозь сиреневые валики виднелись обломанные зубы.

Немцы столпились вокруг еле живой партизанки, чтобы сделать фотографию на память. Под раскаты одобрительного хохота офицер Раух приколол девушке на голую грудь красную звёздочку, которую нашли при обыске.

Её хватили за руку и махали на камеру, словно та была тряпичной куклой. Молодой Христиан замёрзшими пальцами крутил ручку переносной Arriflex.

Раух вышел вперёд и аккуратно, придерживая плоть большим пальцем, срезал Лиле левый сосок, будто кусок твёрдой колбасы. Положил в рот, несколько раз прожевал и выплюнул девочке в лицо. Боевым кинжалом он отсёк Лиле обе груди и отдал команду вешать. Толпа поддержала его криками.

Изуродованную грудь прикрыли табличкой «Таков конец партизана» и девочку, наконец, казнили. Веселье закончилось. Солдаты поспешили в тёплые избы, над которыми поднимался дымок печных труб. В зимнем воздухе дым застывал завитками и улетал прочь. Собиралась

вьюга. Тянула низкая позёмка. И ветер зачинал унылую песню. Тонкое тело Лилечки болталось в петле. Ночные морозы превратили его в замороженную тушу.



Bundesarchiv, Bild 1011-031-2436-01A
Foto: Koch | Januar 1943

«Это неправильная война. Война, на которой убивают маленьких девочек и глумятся над их трупами!» – думал старый Ганс, обходя ночным дозором деревню. Ноги мёрзли, а вьюга толкала в спину. Он топал по обледеневшей земле, та отвечала свинцовым гудом. Сейчас бы натянуть войлочные valenki, но офицеры запретили показываться одетым не по форме. Единственная вольность, которую ему разрешили, закутаться в безразмерный пуховый платок, за что товарищи прозвали Ганса Grossmutti, бабусей.

Он ненавидел войну. Ненавидел офицеров. Ненавидел эту чёртову русскую зиму, которая убивала вернее советского оружия. Мороз забирался под шинель и покрывал кости ледяной глазурью. Ноги превратились в бесчувственные протезы. Избы в темноте стояли мрачные, словно могильные холмы. Старый солдат с ненавистью смотрел на их побелённые вьюгой стены. Ночью в дозоре и без того грустно, но зимняя стужа и протяжный вой ветра терзали сердце. Оно ныло, как гнилой зуб.

«Почему они стали чудовищами?»

Ганс с отвращением наблюдал, как издевались над партизанами. Сколько раз он задавался пустыми вопросами про то, что война уродует душу. Но всё, что совершалось здесь, принималось в порядке вещей. В дьявольском порядке войны.

Здесь всё желало их смерти: пули, партизанские засады, непроходимые леса и чёртов холод. Местное население – дремучие крестьяне, живущие словно в средневековье, смотрели на них исподлобья и, Ганс чувствовал это, проклинали на своём непонятном обрывистом наречии. Местные меняли samogon на шоколад и патроны. И всё равно надо быть начеку, поило могли отравить.

Ганс понимал, что офицеры выместили на девчонке не только злобу, но и страх. Сегодня они могли убить её. Завтра – их. Вот чего здесь боялся каждый. Умереть завтра. Всё очень просто.

На очередном круге Ганс приблизился к виселице, у которой кто-то был. Он стянул винтовку с плеча.

– Halt! Was machste?!

Чёрная, как галка, фигура замерла у ног трупа. Ганс приблизился и ткнул дулом в согбенную спину. Приказал повернуться и уставился на закутанную в тулуп старуху. Женщина была такой старой, что казалось, должна была на месте помереть со страху. Но, наоборот, дико и с вызовом посмотрела в глаза солдату.

– Что ты делаешь? – повторил Ганс.

Он заглянул старухе за плечо. Ветер раскачивал голый труп на верёвке. При тусклом свете луны он различил, что женщина натёрла мёртвой ноги, отчего они покрылись ледяной коростой.

«Омыла ей ноги», – догадался солдат.

В подтверждение его мыслям в морозном воздухе растёкся тяжёлый аромат еловой хвои и старой древесины. Так пахло в здешних кирхах.

Ганс не любил заходить в русские церкви. В тёмных и мрачных доминах царила гнетущая и величавая атмосфера. Русский Бог был не похож на немецкого. Он был диким и страшным азиатом, а не овеванным славой Императором небес, благоволящим усердным честным гражданам Германии. Чем дальше на Восток, тем больше пугал Ганса азиатский Есус.

– Пошьёл! Хопп! Хексе!

Он прогнал старую ведьму, но на душе у него по-прежнему было беспокойно. Ганс попытался прогнать с души тревожную муть, но ничего не помогало. Промурлыкал под нос пару строк из «Лили Марлен».

– Schon rief der Posten...

И бросил.

Ему казалось, когда нападут красные, именно его, как часового, снимут первым. Тошно было жить с этой мыслью.

Агафья жила на свете так долго, что ни родственников, ни ровесников у неё не осталось. Советская власть дала ей удостоверение личности на гербовой бумаге, но какую дату записать в графе о рождении, никто не знал. А она и не держала в голове за ненадобностью. Козы козлятся в конце зимы, вот и всё, что ей нужно для счёта времени. Молодой и весёлый комиссар, совсем, как козлёнок, отметила про себя Агафья, в шутку заполнил бумагу – 1921.

– Новый строй, бабка, страна новая. Всё новое. Пусть и жизнь у тебя будет новая!

И так залихватски захохотал, что весельехватило всех собравшихся на перепись.

Агафья жила так долго, что помнила вещи дивные и странные, которым почти не осталось места в новом веке. Вещи дремучие, как обступающие деревню леса. Тёмные, как недра земли. О жизни и смерти, о том, как облегчить страдания, и о том, как принести зло. Старики-кощеи хранили секреты в себе, как в сундуках. Пока их не зароят в землю.

Агафья не позволяла себе часто применять эти знания. Знала цену. Расплачиваться за колдовство приходится душой. Часть отдаёшь старым богам, чьи деревянные истуканы ещё ставят в глубине леса, часть – чертям. Да и Новый Бог явится за десятиной.

Агафья заговаривала только тот мор, что поражал всю деревню. Или, когда Смерть-жадина хотела прибрать того, кто и не пожил толком. Тогда Агафья шептала над крынками с молоком и всё налаживалось. Но теперь решила произнести такие слова, после которых ничего хорошего больше не будет.

Она положила в рот ноготь, который отколупала с ноги повешенной девчонки, и принялась усердно жевать оставшимися зубами. Жевала и приговаривала.

– Приди Смерть-лютая, прибери всех. Приди Смерть-лютая, прибери всех.

Ноготь размягчился и по кусочку провалился в пищевод. В Красном углу избы стало темнее. Тьма подступила к старухе и замерла. Агафья подняла мутные глаза, последняя искра жизни в них погасла. Высушенное тело повалилось на дощатый пол.

Радовский ушёл к партизанам не потому, что хотел «давить фашистскую гадину», по меткому выражению политрука, но, чтобы себя проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.